

Ангел Богданович

**Момент перелома
в художественном
отражении. «Без...**

Ангел Богданович

**Момент перелома в
художественном отражении.
«Без дороги» и «Поветрие»,
рассказы Вересаева**

«Public Domain»

1898

Богданович А. И.

Момент перелома в художественном отражении. «Без дороги» и «Поветрие», рассказы Вересаева / А. И. Богданович — «Public Domain», 1898

«Рассказы г. Вересаева, появившіеся сначала въ «Рус. Богатствѣ» и другихъ журналахъ, сразу выдѣлили автора изъ сѣровой толпы многочисленныхъ сочинителей очерковъ и рассказовъ, судьба которыхъ довольно однообразна — появиться на мигъ и кануть въ лету, не возбудивъ ни въ комъ ожиданій и не оставивъ по себѣ особыхъ сожалѣній. Иначе было съ рассказами г. Вересаева...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ Моментъ перелома въ художественномъ отраженіи. – «Безъ дороги» и «Повѣтріе», рассказы Вересаева.

Рассказы г. Вересаева, появившіеся сначала въ «Рус. Богатствѣ» и другихъ журналахъ, сразу выдѣлили автора изъ сѣровой толпы многочисленныхъ сочинителей очерковъ и рассказовъ, судьба которыхъ довольно однообразна – появиться на мигъ и кануть въ лету, не будивъ ни въ комъ ожиданій и не оставивъ по себѣ особыхъ сожалѣній. Иначе было съ рассказами г. Вересаева. Каждый изъ нихъ рѣзко выдѣлялся и особымъ настроеніемъ автора, и содержаніемъ, и манерой обработки сюжета. Словомъ, оригинальность автора выступала несомнѣнно, давая право надѣяться, что въ лицѣ г. Вересаева литература получитъ новую незаурядную силу. Теперь, собранные вмѣстѣ, эти очерки и рассказы не только не ослабляютъ прежняго впечатлѣнія, но въ значительной степени усиливаютъ его. То, что въ каждомъ изъ нихъ было отрывочно и лишь намѣчалось отдѣльными чертами, выступаетъ въ сборникѣ въ совокупности, дополняясь взаимно и создавая въ общемъ вполне опредѣленное настроеніе, которое, начиная съ первыхъ страницъ, все усиливается, оставляя читателя подъ впечатлѣніемъ чего-то сильнаго и новаго.

Главное содержаніе сборника составляютъ собственно двѣ вещи – повѣсть «Безъ дороги» и непосредственно дополняющій ее очеркъ «Повѣтріе», появляющійся въ печати первый разъ. Небольшіе рассказы – «На мертвой дорогѣ», «Товарищи», «Прекрасная Елена», «Порывъ» «Загадка», помѣщенные въ началѣ сборника, служатъ какъ бы введеніемъ, въ которомъ намѣчены «лейтъ-мотивы», употребляя терминъ вагнеровской музыки, – руководящія начала, развертывающіяся затѣмъ въ цѣлую картину душевнаго настроенія въ повѣсти «Безъ дороги».

Въ первомъ очеркѣ, «На мертвой дорогѣ», по выдержанности, пожалуй, лучшемъ во всей книгѣ, читателя съ первыхъ строкъ охватываетъ впечатлѣніе мертвой неподвижности, которую вѣетъ отъ прекрасно набросанной картины выжженной солнцемъ степи и убѣгающей вдаль заброшенной линіи желѣзной дороги. Эта линія когда-то кипѣла жизнью, центромъ которой былъ нынѣ выработанный рудникъ, угольная шахта, гдѣ сотни рабочихъ бодро стучали кайлой, выбрасывая на поверхность живительный уголь. Теперь здѣсь тишина и опустошеніе: бурьяномъ поросли рельсы и шпалы, жизнь идетъ мимо, мимо тянутся скрипучіе обозы, мимо снуютъ толпы рабочихъ, а сторожъ, неподвижно покуривающій трубку и тоскливо посматривающій на свою мертвую линію, убѣгающую въ глухой уголь, гдѣ зияетъ глубокая шахта, еще усиливаетъ впечатлѣніе пустоты и мертвенности. Изрѣдка забредаетъ въ сторожку унылый путникъ укрыться отъ палящаго солнца, какъ, напр., мечтатель Никитинъ. шахтеръ, задавшійся цѣлью своими «плантами» въ самое сердце поразить тѣхъ, кто небрежетъ о здоровьи и жизни шахтеровъ, либо загнанная дождемъ богомолка, повѣствующая о чудесахъ богоспасаемаго града Іерусалима. «И степь, безсильно выгорѣвшая подъ солнцемъ, и лѣнивый, душный воздухъ, и негодующія сѣтованія сторожа, все дышало чѣмъ-то такимъ тоскливымъ, разслабляющимъ и безнадежнымъ... Странно было думать, что гдѣ-нибудь теперь свѣжо и прохладно, что есть на свѣтѣ добрые, дѣятельные, неунывающіе люди...»

Въ слѣдующемъ рассказѣ, «Товарищи», та же мертвая тишь и безотрадная тоска, только вѣетъ ею не отъ мертвой дороги, а отъ мертвыхъ людей, когда-то бодрые и радостные, они составляли живую дружную семью молодежи, кипѣвшую мечтами, надеждами и планами, теперь, заброшенные службою въ одинъ изъ безчисленныхъ русскихъ городишекъ, они тянутъ лямку, кто по акцизу, кто учителемъ, словомъ, всѣ чиновники, либо добываютъ себѣ средства мало привлекающимъ ихъ трудомъ. «Еще работы въ жизни много, работы честной и святой»,

припоминается одному из них слова юношеской пѣсни. Гдѣ же она, эта «честная и святая работа»? «Онѣ думалъ о томѣ, что уже цѣлыхъ два года прожилъ въ Инсарскѣ, эти два года пролетѣли страшно быстро, какъ одна недѣля, а между тѣмъ воспоминанію не на чѣмъ остановиться: дни вяло тянулись за днями, скучные, безсмысленные; опротивѣвшая служба, безконечныя прогулки, выпивки и тупая тоска, изъ которой нѣтъ выхода, которая стала его обычнымъ состояніемъ...» То же испытываетъ каждый изъ его товарищей, и, собираясь вмѣстѣ, они въ глазахъ другъ у друга читаютъ ту же тоску, то же сознание безцѣльности жизни, такой далекой отъ юношеской радости бытія. Что же привело ихъ всѣхъ къ такому безотрадному существованію? Почему мечты разбились при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, въ которую наши герои не сумѣли внести ни искры изъ прежняго огня, горѣвшаго въ сердцахъ огня свободы, чести и высокихъ душевныхъ порывовъ? «Въ семьѣ, въ школѣ, – уныло размышляетъ одинъ изъ нихъ, – намъ никто никогда не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ... Не воруи, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... вотъ была мораль... Мы думали спокойно прожить съ этой моралью, какъ жили наши отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслыханно-громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобы вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла, она ихъ предполагала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ больною совѣстью...»

Минуя слѣдующіе рассказы – «Порывъ», «Прекрасная Клена», «Загадка», какъ бы иллюстрирующіе это мертвое настроеніе неподвижной жизни, перейдемъ къ центральной повѣсти сборника «Безъ дороги», гдѣ отрывочныя настроенія предыдущихъ рассказовъ слагаются въ опредѣленную и выдержанную картину опустошенной души. Предъ нами два типа – вѣковѣчные, старые типы русской интеллигенціи: онѣ – уже истрепанный жизнью, извѣрившійся въ «великія слова» и «имена» и сознающій себя въ этой жизни «безъ дороги»; она – вся трепетъ и ожиданіе, уже воспріявшая въ себя отраву «книжной проповѣди» о подвигѣ и готовая ринуться по первому указанію. Ей нуженъ «вождь» и «пророкъ», за которымъ она могла бы слѣпо пойти, а онѣ, умудренный опытомъ жизни, прежде всего не вѣритъ всякимъ вождямъ и всему, что отдаетъ пророческими упованіями. Можно бы подумать, что изъ столкновенія этихъ двухъ типовъ разыграется обычная любовная драма, какихъ тысячи заполняютъ русскую литературу, и тогда въ повѣсти г. Вересаева мы бы имѣли тысяча-первую, можетъ быть и хорошо написанную, но не вносящую ничего новаго. Авторъ гораздо самостоятельнѣе и оригинальнѣе.

Драма разыгрывается и гораздо ужаснѣе всякихъ любовныхъ перипетій. Предъ нами драма одного изъ русской интеллигенціи, захваченнаго жизнью врасплохъ въ тягостную минуту переходной эпохи, когда старое нажито, истрепано въ конецъ, а новое еще даже не мелькнуло вдали.

Повѣсть написана въ видѣ дневника, и герой самъ раскрываетъ «корни и нити» душевнаго разлада, который неминуемо долженъ былъ привести къ тому или иному трагическому концу. Больной и усталый онѣ попадаетъ въ деревню, въ родственную ему дружную семью, жизнерадостная молодежь которой, еще не оперившаяся и не испробовавшая себя въ жизни, но кипящая всѣми силами нетронутой молодой души, вызываетъ невольное сравненіе, заставляетъ оглянуться назадъ и подвести итоги его собственному прошлому. Эти итоги неутѣшительны.

«...Да, мало хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться кругомъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное спасеніе для тебя – уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобы ничего отъ тебя не осталось... Можно ли съ этимъ жить? Невесело сознаваться, но я именно въ такомъ настроеніи прожилъ всѣ эти три года. «Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависить отъ меня». Мнѣ часто вспоминаются эти гордые слова Базарова. Вотъ были люди! Какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю, это именно въ

неодолимую силу времени. «Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду!»! Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и поведетъ, куда хочетъ; хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознать тогда, что идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ, оно все-таки дѣлаетъ по своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватываетъ меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю душевную жизнь... Гартманъ говоритъ, что убѣжденія наши – плодъ «безсознательнаго», а умомъ мы лишь подыскиваемъ къ нимъ болѣе или менѣе подходящія основанія; я чувствовалъ, что тамъ гдѣ-то, въ этомъ неуловимомъ «безсознательномъ», шла тайная, предательская, невѣдомая мнѣ работа, и что въ одинъ прекрасный день я вдругъ окажусь во власти этого «безсознательнаго». Мысль эта наполняла меня ужасомъ: я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда, жизнь – все въ *моемъ* міросозерцаніи, что если я его потеряю, я потеряю все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.